ЛИДИЯ ПЕТРОВНА РУПОСОВА: НАУЧНЫЙ И ДУШЕВНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Никитин О. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Петрозаводский государственный университет

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33, Российская Федерация

LIDIYA PETROVNA RUPOSOVA: SCIENTIFIC AND HEARTFUL BIOGRAPHICAL ESSAY (ON THE 80TH BIRTHDAY)

O. Nikitin

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishhchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Petrozavodsk State University

prosp. Lenina 33, Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

Биография

Фото 1 / Photo 1. Лидия Рупосова.
3 года. Зарайск, 16 июня 1944 г. /
Three-year-old Lidiya Ruposova.
Zaraisk, June 16, 1944

подать документы в МГУ имени М. В. Ломоносова на новое отделение славянских языков. Но с первого раза не получилось преодолеть огромный конкурс. Лидия вернулась в Зарайск и некоторое время работала на той самой обувной фабрике, где в оные годы был известным мастером её дед. Так она начала профессиональную деятельность, и первая запись в трудовой

Лидия Петровна Рупосова родилась 14 июня 1941 г. в подмосковном Зарайске в рабочей семье. Её дед работал на местной обувной фабрике и был уважаемым специалистом. Мама занималась геологоразведкой и исколесила многие таинственные уголки Советского Союза. С детства юная Лида увлекалась шахматами и была одной из первых на турнирах. Учёба ей давалась легко: смышлённая девочка щёлкала как орешки математику, физику, географию и историю, а русский язык и литературу любила больше всего. Древний Зарайск в те годы не был в культурном смысле окраиной: интересные исторические памятники, крепость, старинные церкви... Много говорило о героическом прошлом этого места. Так уж совпало, что Зарайск был родиной знаменитого лингвиста академика В. В. Виноградова, родственники которого до войны ещё жили в тех местах.

Смелая и решительная, она не боялась после окончания десятилетки

Фото 2 / Photo 2. Родители
Л. П. Рупосовой. 1 марта 1941 г. /
Parents of L. Ruposova. March 1, 1941

Фото 3 / Photo 3. Лидия Рупосова в школьные годы. Зарайск, конец 1940-х гг. / Lidiya Ruposova during her school years. Zaraïsk, late 1940s

Фото 4 / Photo 4. Благодарность учителей родителям Лидии Рупосовой. Зарайск, конец 1940-х гг. / Gratitude of the teachers to the parents of Lidiya Ruposova. Zaraïsk, late 1940s

Фото 5 / Photo 5. Лидия Рупосова с подругой в день открытия городского пионерского лагеря. Зарайск, 10 июля 1954 г. / Lidiya Ruposova with her friend on the opening day of the city pioneer camp. Zaraysk, July 10, 1954

книжке гласила: «29 июля 1958 года принята на работу в цех № 7 Зарайской обувной фабрики»¹. Два года усиленной филологической самоподготовки, получение необходимого в те годы рабочего стажа давали некоторое преимущество перед выпускниками школ. Усидчивая и энергичная, она прорвалась в удивительный мир славистической науки сквозь десятки молодых умов и вступила на непростой, но очень увлекательный путь познания себя...

Л. П. Рупосовой повезло: в 1960-х годах в МГУ ещё преподавали классики первой величины – С. М. Бонди, Н. К. Гудзий, В. В. Виноградов и другие учёные от Бога, заставшие дореволюционную школу императорских университетов, прошедшие репрессии и унижения марризма, клевету «низкопоклонничества перед Западом» и обвинения в формализме. Конечно, этих тонкостей их биографий молодая студентка ещё не знала – она просто восхищалась подлинными героями филологии, впитывала каждое их слово, тренировала мысль, сотнями читала книги, упражнялась в славянских языках, которые стали её призыванием и судьбой на всю жизнь. Первые

экспедиции и поездки, живое знакомство с западнославянскими языками, народной культурой, этнографией быстро приспособили гибкий, подвижный характер Лидии к новой жизни. Вначале немного замкнутая зарайская «провинциалка» к старшим курсам стала бойкой исполнительницей куплетов на студенческих вечерах и капустниках.

Фото 6 / Photo 6. Лидия Рупосова во время диалектологической экспедиции на западной Украине. Начало 1960-х гг. / Lidiya Ruposova during a dialectological expedition to western Ukraine. Early 1960s

¹ См.: Рупосова Л. П. Личное дело // Архив Московского государственного областного университета. Здесь и далее биографические сведения взяты из указанного источника без дополнительных ссылок.

Фото 7 / Photo 7. Лидия Рупосова с сокурсницами славянского отделения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова во время диалектологической практики на западной Украине. Начало 1960-х гг. / Lidiya Ruposova with fellow students of the Slavic Department of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University during dialectological practice in western Ukraine. Early 1960s

В МГУ славянские языки вёл молодой талантливый лингвист Н. А. Кондрашов. Он и заметил эту необычную, сметливую, полную энергии девушку, готовую горы свернуть, – она могла и поспорить, и пошутить, и даже дерзнула самому главному слависту МГУ тех лет профессору Самуилу Бернштейну и никогда не пряталась за спину своего научного руководителя, все проблемы решала сама, хоть и прислушивалась к Николаю Андреевичу и даже немного побаивалась его взрывного, но отходчивого поведения. Она понимала, что Н. А. Кондрашов любил её, опекал по-своему и берёт от соблазнов, каких было немало в студенческой среде и у золотой молодёжи 1960-х. Возможно, ещё и поэтому Лидия Петровна пошла за своим учителем в областную пединститут.

Л. П. Рупосова окончила МГУ в 1965 г. В дипломе значилась редкая специальность «Славянская филология». Выпускнице главного вуза страны была присвоена квалификация «филолог-славист». На гознаковском бланке стояла подпись председателя Государственной экзаменационной комиссии Р. И. Аванесова. Как всё было торжественно и серьёзно!

Фото 8 / Photo 8. Лидия Рупосова (справа) во время одной из экспедиционных поездок (предположительно в Архангельскую область). Первая половина 1960-х гг. / Lidiya Ruposova (right) during one of the expedition trips (presumably to the Arkhangelsk region). First half of the 1960s

Фото 9 / Photo 9. Диплом выпускницы МГУ имени М. В. Ломоносова Л. П. Рупосовой. 24 июня 1965 г. / Lomonosov Moscow State University graduate diploma of L. Ruposova. June 24, 1965

3 сентября 1965 г. Л. П. Рупосова зачислена в штат МОПИ имени Н. К. Крупской, сначала на должность старшего лаборанта кафедры немецкого языка, а в 1967 переведена преподавателем с почасовой оплатой на кафедру русского языка. В 1969 г. она прошла по конкурсу на должность ассистента и в течение нескольких десятилетий преподавала на факультете русского языка и литературы (позднее – факультете русской филологии) МОПИ – МПУ – МГОУ. Выпускники МГУ были по силам все самые сложные курсы. И молодой ассистент показала себя с самых первых занятий не просто как стажёр или помощник лектора, не отступающий от конспектов ни на йоту, а как оригинальный педагог, блиставший знаниями в разных областях филологии и истории. При заполнении личного листка по учёту кадров в графе «Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете» она с достоинством учёного (а было ей всего двадцать с небольшим лет) написала: «Словацким, чешским, польским – свободно; немецкий, венгерский читаю». И в этом смысле она выделялась на фоне несколько зажатой в своих штампах публики, не выходившей за пределы узкого предмета научных наблюдений. Живость общения со студентами, яркие занятия, парадоксальное мышление, огромное желание вложить в своих учеников настоящие знания притягивали к ней молодёжь. Одна из её учениц тех лет вспоминала: «Она могла заставить понять необходимое или, наоборот, не оставляла ничего непонятого в лекции. Лидия Петровна реально заставляла каждого расти. Столько сил на это тратила и времени! Она учила профессии, любви к филологии как науке и искусству, как особому ремеслу, наслаждению от пользования профессиональными навыками». То, что сейчас называется модным термином «языковая картина мира», Л. П. Рупосова реализовала на занятиях со студентами так талантливо, нетривиально и познавательно, что они, выходя после зубрёжки бесконечных практикумов и лекций под диктовку, начинали думать!

Фото 10 / Photo 10. Л. П. Рупосова. Лирика души... Конец 1960-х гг. / L. Ruposova. The lyrics of the soul ... The end of the 1960s.

Наверное, Лидия Петровна не раз вызвала скрытую зависть коллег: «Сколько знает и понимает!» Но её энциклопедизм, несколько хаотичный и непонятный для многих, явился результатом напряжённого труда в архивах и библиотеках, поиска новых идей, каких-то внутренних борений и бесконечных назиданий себе самой: «Не стоять на месте, быть интересным в учительском ремесле, не сводить филологию к простому преподаванию, к "стандартам", не натаскивать на билеты, а учиться мыслить смело и независимо, относиться к слову не как к "товару", а как к драгоценности».

В должности ассистента она проработала 7 лет, хотя, безусловно, по уровню подготовки и педагогическим навыкам могла стать доцентом и раньше. Но в советские годы всегда существовал невидимый табель о рангах – молодых придерживали. Лидия Петровна относилась к своему положению спокойно. Она не занимала ответственных должностей, просидев на которых год-другой, можно было рассчитывать на получение звания доцента, и вообще никогда не занималась тем, что было «важно» в понимании более прагматичных коллег. Жизнь шла своим чередом...

В 1970 г. в стенах МОПИ имени Н. К. Крупской Л. П. Рупосова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Русско-словацкие языковые связи (на материале словацкого литературного языка)»¹. Удивительно, что на фоне чистой русистики в её традиционном понимании здесь проходило апробацию исследование совсем иного масштаба и лингвистического ориентира, нацеленное на изучение языков как культурных традиций в аспекте классической славистики. Кажется, при всём внимании её научного руководителя профессора Н. А. Кондрашова к западнославянским языкам это была единственная (из наших преподавателей) диссертация такого свойства, представленная в совете педагогического института. Такую ответственную тему, которую мог освоить лишь неординарный человек с широким языковедческим кругозором, он доверил только своей близкой ученице, словно понимал планку филологической проблематики и показывал ориентиры высокой науки – той, что по праву может называться Школой.

В то время в МОПИ имени Н. К. Крупской преподаватели выезжали в командировки в славянские страны для обучения и повышения квалификации преподавателей-русистов. Такая возможность представилась Лидии Петровне в 1971 г., когда Министерство просвещения РСФСР направило её на два года для педагогической работы в филиал Варшавского университета в качестве старшего преподавателя гуманитарного факультета. Она оказалась в другой атмосфере и в культурном, и в бытовом отношении. Отличное знание западнославянских языков снимало преграду общения. Лидия Петровна раскрылась здесь как яркий педагог и интересный собеседник, увлечённый филологией, знающий тонкости компаративистики. Этот заграничный опыт она потом вспоминала не раз. Можно сказать, что именно в таких поездках Лидия Петровна

Фото 11 / Photo 11. Л. П. Рупосова во время одной из командировок (предположительно – в Польшу). Начало 1970-х гг. / L. Ruposova during one of her business trips (presumably to Poland). Early 1970s

вбирала новые идеи, участвовала в дискуссиях, входила в мир большой славистической науки. Её имя с тех пор вслед за учителем профессором Н. А. Кондрашовым стало звучать в европейской лингвистике.

Затем были ещё поездки в Чехию со студентами на языковую практику, участие в оппонировании диссертаций, которое в прежние годы воспринималось как праздник науки, выступления на конференциях, где Лидия Петровна неизменно приковывала к себе внимание, и просто дружеские разговоры с коллегами в Картотеке словаря древнерусского языка на Волхонке, где она была своей. Её активности, энергии, искреннему желанию оставить настоящий след в науке можно позавидовать! Не плыть по течению, а, скорее, против или вопреки и по-своему. Смыслом её жизни и была работа – не рутинное чтение лекций,

¹ Рупосова Л. П. Русско-словацкие языковые связи: на материале словацкого литературного языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 304 с.

Фото 12 / Photo 12. Студенты и преподаватели факультета русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской во время учебной поездки в Прагу / Students and teachers of the Faculty of Russian Language and Literature of the Moscow Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya during a study trip to Prague

В первом ряду (сидит): Олег Борисовский.

Во втором ряду (первый слева): Владимир Вишневецкий, *(вторая справа):* Л. П. Рупосова.

В последнем ряду (в центре): А. Ф. Головенченко

а занятия-вспышки, когда всё внимание концентрируется не столько на силуэте педагога, сколько на парадоксах смысла речи, на интонации, эмоциях и неожиданных сравнениях... Тут же произносились вслух открытия, обсуждались догадки, которые потом становились темами будущих дипломных работ и диссертаций. Она и здесь никогда не была формалистом!

С сентября 1973 г., по возвращении из командировки, Л. П. Рупосова продолжила работу на кафедре русского языка. В 1975 г. «за большие достижения в учебно-производственной, научной и общественной работе в связи с Международным годом женщин» её наградили почётной грамотой и сделали соответствующую запись в трудовой книжке. Тогда это было настоящим событием! Не раз объявляли благодар-

ность... В 1976 г. её перевели на должность старшего преподавателя. С 1981 г. – доцент кафедры русского языка, а учёное звание ей присвоили только в 1983 г. С сентября 1995 г. Л. П. Рупосова занимала должность профессора новой кафедры истории русского языка и общего языкознания. Она всегда единогласно избиралась по конкурсу – коллеги по кафедре понимали, какой учёный и педагог работает рядом.

В 2005 г. Л. П. Рупосова была награждена Почётной грамотой Министерства образования Московской области «за многолетний добросовестный труд и успешную работу по подготовке педагогических кадров». Она получила значок и удостоверение «Ветерана труда», которое давало льготы пенсионерам (и для неё это было особенно важно). Ещё одна скромная на-

града – памятная медаль в честь основания Москвы. А в 2011 г., на юбилейном вечере, посвящённом 80-летию МГОУ, губернатор Московской области Борис Громов вручил ей цветы и памятную грамоту. Она никогда не стояла в очереди за наградами, не пробивала себя в списки... Лидия Петровна проработала в университете до 2015 г. – ровно 50 лет...

***

Другим её пристанищем долгие годы был Институт русского языка на Волхонке. Она застала его в классические времена, когда там работал академик О. Н. Трубачёв. На первом этаже (а раньше на втором) под сводами старинного здания располагался Отдел исторической лексикологии и лексикографии с главным богатством – Картотекой древнерусского словаря (КДРС), которую начал собирать ещё академик А. И. Соболевский «с сотоварищи». А какие там были автографы – целая плеяда талантливых лингвистов! Ф. В. Буслаев, Л. С. Ковтун, Е. С. Истрина, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский, П. К. Симони, М. Н. Сперанский, В. И. Срезневский, Н. Л. Туницкий и многие другие славные представители великой национальной Школы филологии смотрели на читателей с пожелтевших страниц текстов, написанных ещё перьевой ручкой. Тысячи рукописных карточек с запечатлённой историей слова от XI до XVII вв.... Там, в кругу людей, увлечённых наукой, она любила за чашкой чая обсуждать новые книги, конференции и съезды славистов, искать сюжеты для своих работ, читать уникальные словари и консультироваться с крупнейшими специалистами по языкознанию, истории, этнографии, искусствоведению, заходившими время от времени в домашний уголок «Повести временных лет». Туда часто заглядывали И. Г. Добродомов, Л. В. Куркина, А. М. Молдован, М. Ф. Мuryянов, Г. П. Смолицкая, работали Л. Ю. Астахина, Г. А. Богатова, Е. И. Державина, М. И. Чернышева, Г. Я. Романова, А. Н. Шаламова... Бывало, забегали В. Я. Дерягин, Н. И. Толстой, Д. Н. Шмелёв. Частым по-

сетителем КДРС являлся О. Н. Трубачёв. В КДРС как в лингвистическую кунсткамеру приезжали со всех концов СССР – России смотреть живые росчерки, сличать рукописи, учиться работать со словом. В этом окружении Лидии Петровне было уютно и легко. Здесь она вдыхала аромат науки, училась сама и «бранила» молодое поколение историков языка. Филологический ум Л. П. Рупосовой во многом питался из родника древнерусской благодати.

В последние годы ей стало трудно выезжать из дома. Лидии Петровне нравилось слушать мои рассказы о том, какие конференции проводятся в Институте русского языка, что нового в КДРС, она непременно спрашивала, какой выпуск «Словаря русского языка XI–XVII вв.» вышел в свет. Л. П. Рупосова несколько раз выступала рецензентом этого авторитетнейшего издания, что, безусловно, свидетельствует о доверии к ней в академической среде и её глубоких знаниях по исторической лексикологии. Порой она вспоминала дружеские посиделки, где можно было спокойно, не таясь чужих людей, шутить, блистать остроумием, строить планы, мечтать об открытиях и незаметно их делать – просто жить филологией духа...

Биографический круг постепенно замкнулся, но разве можно было остановить пылкого слависта! Она и после ухода из МГОУ приезжала к нам на дни славянской письменности, выступала на конференциях, писала изредка статьи и даже участвовала в коллективной монографии¹. Лидия Петровна всегда откликалась на наши просьбы, интересовалась судьбой кафедры и факультета, была рада помогать своими знаниями, опытом, добротой и бесконечной влюблённостью в словесность. Она выстрадала её от корня и дышала ею до конца своих дней, мастерски жонглируя стихами и разгадывая тайны детektivов и,

¹ Рупосова Л. П. Структурность и лексическая содержательность публицистических источников периода великой войны (1914–1915 гг.) // Первая мировая война в художественно-эстетическом осмыслении современников (коллективная монография / науч. ред. В. В. Леденёва. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 70–111.

наверное, мечтала вернуться в то далёкое золотое время торжества неподдельных открытий, настоящих книг, легендарных имён. Она унесла с собой частичку своего мира надежд, исканий и веры в пламенную силу Слова, спасающего от горестей и невзгод беспокойной жизни. Л. П. Рупосова была у нас единственной проповедницей подлинной славистической школы – островком неуёмной, без границ, науки посреди филологии будней.

Лидии Петровны Рупосовой не стало 29 января 2021 года.

Научные поиски (несколько душевных зарисовок)

Лингвистическое наследие учёного разбросано в многочисленных сборниках научных трудов и материалах конференций. Всю жизнь она была активной филологиней; её работы можно встретить в самых неожиданных местах: от Калининграда и Смоленска до Красноярска и стран Западной Европы.

Обозначим основные направления её языковедческих интересов.

Прежде всего, это славистика, понимавшаяся Л. П. Рупосовой в русле классического образования МГУ: не только языки, но и история, этнография, искусство, археология – всё, что характеризует национальные особенности и выявляет специфические черты личности. Отсюда её интерес к текстам разных жанров как источникам лингвистического «культурогенеза», диалектам, философии, психологии народов. Для Л. П. Рупосовой был характерен системный взгляд на языковые явления. И в этом смысле многие её работы, даже начального периода, обладают мировоззренческой целостностью и глубиной проникновения в содержание проблемы, профессиональным инструментарием.

Первые её статьи появились в 1967–1969 гг. и были посвящены изучению словацкого языка, преимущественно русских элементов в его лексике, калек и отглагольных имён существительных с возвратным

местоимением¹. Она также проследила развитие русизмов в истории словацкого литературного языка и отметила их стилистические особенности². Это были пролегомены к её кандидатской диссертации³.

Л. П. Рупосова занималась не только словакистикой, но и была увлечена очень непростыми вопросами межэтнических связей и культурных противоречий народов, населяющих континент Славия. В официальной истории их языков такие проблемы не любят замечать. Между тем существующая в настоящее время богатая литература и даже целые энциклопедии⁴ свидетельствуют о повышенном внимании учёных к феномену «нестатусных» языков. Так, в библиографии её трудов находим статью об истории боснийской письменности⁵.

Ни один крупный славист не проходил мимо витиеватой и подчас трагиче-

¹ Русские элементы в словацкой лексике послевоенного периода // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 204. Вып. 14, Русский язык. М.: Издание МОПИ, 1967. С. 228–236; Кальки русских слов и выражений в современном словацком литературном языке // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 194. Вып. 19. Иностранные языки, немецкий язык. М.: Издание МОПИ, 1968. С. 140–150; Отглагольные имена существительные с возвратным местоимением в современном словацком литературном языке // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 194. Вып. 19. Иностранные языки, немецкий язык. М.: Издание МОПИ, 1968. С. 151–159.

² О некоторых стилистических русизмах в словацком литературном языке // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 228. Вып. 15, Русский язык. М.: Издание МОПИ, 1969. С. 340–348; Русизмы в истории словацкого литературного языка // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 257. Вып. 16. Русский язык. Иностранные языки. М.: Издание МОПИ, 1969. С. 56–70.

³ Рупосова Л. П. Русско-словацкие языковые связи (на материале словацкого литературного языка): дис. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1969. 304 с.

⁴ Encyclopedia of Rusyn History and Culture / ed. P. R. Magocsi, I. Pop. Toronto; Buffalo; London, Toronto University Press, 2002. 520 p.; Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10. Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / ed. M. Okula, G. Krenn. Klagenfurt, Wieser Verlag, 2002. 1031 s.

⁵ Рупосова Л. П. История боснийской письменности // Русский язык в системе славянских языков: история и письменность: сборник научных трудов, посвящённый 80-летию Московского государственного областного университета и 10-летию кафедры славянской филологии. М.: МГОУ, 2011. С. 196–200.

ской летописи этносов и их малых языков (или микроязыков, по терминологии А. Д. Дуличенко). На протяжении долгой истории славянства неоднократно предпринимались попытки создания своего *общего* языка как охранителя культурных традиций, самобытности и национально-го своеобразия. Л. П. Рупосова отлично владела этой непростой проблематикой, требующей от учёного серьёзных познаний в истории филологии чуть ли не с самых времён рождения славянских этносов, понимания духовной ценности вечной проблемы и боли малых народов, за которых когда-то заступался легендарный Бодуэн де Куртенэ. Но времена меняются, и в наше время эти вопросы в научном сознании современных учёных находятся далеко не на периферии филологии, хотя не потеряли своей политической остроты. Данному вопросу была посвящена статья Л. П. Рупосовой «История межславянского языка», обсуждавшая проекты создания таких лингвистических феноменов – от Ю. Крижанича до М. Гучко. Статья кратко излагает традицию создания и обсуждения таких языков в русле панславизма и общественных трений, показывает, что мечты лингвистов не пустые задумки, а вполне рациональные теории. Сколько нужно было изучить данных, чтобы собрать такую специфическую информацию об искусственных языках! Вот как она пишет о ситуации в XX в.: «В 1908 г. И. Хошек, учитель чешского языка, предложил термин *междуславянский* язык. Он возвращается к идее заменить латинский алфавит русским для всех славян, хотя за основу общего языка взял словенский. В Польше выходит учебник польского языка “для вейских (сельских. – Л. Р.) детей” с русской транслитерацией. В 1912 г. в Чехии И. Копкоп создаёт *слованшину*, а И. Конечный – *славин* (славянское эсперанто). В 1913–1916 гг. похожие проекты осуществляются в Болгарии. Таким образом, в рамках психохронотопа русский язык мог предлагаться на роль всеславянского письменного и устного, только письменного / территориально ограниченного; выступать как

естественный / как составная часть искусственных; как обслуживающий все сферы коммуникации / как “культурный”; как вторичный (вспомогательный)...»¹.

Своё отношение к идее языкового и культурного братства славян Лидия Петровна однажды выразила и в стихах:

Не верьте, большие слависты,
Что всё, что вы сделали, – даром!
Что духом объаты нечистым
Славяне под чёрным пиаром.

Что главное в жизни дензнаки
Любою ценой, побыстрее...
Пока не закрыты филфаки
Жива всеславянства идея!!!

Схожей проблематике, но в ключе только одного *русинского* языка была посвящена оригинальная статья Л. П. Рупосовой, раскрывающая суть историко-лингвистического и социокультурного противостояния в Славии, где один живой язык имеет государственность, а другой лишён многих исконных прав. Если в предыдущей работе автор говорил о так называемых конструируемых языках, возможности распространения которых, естественно, ограничены в силу искусственности языкового субстрата и сложности его природного развития (эта «прививка» очень неустойчива), то здесь речь идёт о богатой истории целого народа – русинов, раскинувшихся на карте Европы от Молдавии до западной Украины, Польши, Словакии, Венгрии. Они имеют свой язык – *русинский*, письменность, литературу. Ему свойственны в полной мере, как и другим славянским языкам, идентичность и высокая степень культурного развития на протяжении нескольких веков. Л. П. Рупосова приводит такую статистику: в XXI в. русинов около 1,5 млн человек, а их генеалогия и сам этноним ещё до конца не выяснены: «Русины ведут своё происхождение от тиверцев, уличей и белых

¹ Рупосова Л. П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 1. С. 55.

хорват (прахорват), населявших Восточные Карпаты в VI–VII вв. н. э. (есть точка зрения, что их предками были и чёрные хорваты). Авторство термина *русины* приписывается императору Александру III: на просьбу принять местное население в состав России под именем *русских*, император не дал им согласия и предложил обсуждаемый этноним. По другой версии, население региона именуется русинами уже со средневековья»¹.

Далее следует рассказ учёного об истории русинов, которые на протяжении многих десятилетий были раздаточной картой: их делили, объединяли, ассимилировали и фактически уничтожали, лишая своего языка и национальной идентичности (так произошло с польскими русинами)².

В статье обобщены редкие факты о судьбе этого уникального этноса и его языка, приведена статистика, рассказано о противоречиях внутри славян, связанных с признанием русинов, комментируются особенности их грамматики и многое другое. Автор завершает работу мыслью о том, что нельзя сейчас решать судьбу этого островка *lingua Slavia* в узком контексте «украинский / русинский языки» – новая реальность, связанная с обсуждением хорватского, боснийского и черногорского языков, возможно, является важным этапом в определении степени самостоятельности русинского языка³. В настоящее время, заметим, данная проблематика активно освещается на страницах международного журнала «Русин».

Знание славянских языков помогало Л. П. Рупосовой в освоении лексических особенностей памятников письменности. Она обладала уникальным даром находить такие источники, готова была уехать за ними на край света, чтобы потрогать их своими руками, переписывала цитаты, искала экзотизмы, вдохновлялась сюжета-

ми (а как же иначе – ведь Лидия Петровна не была холодным статистом, подсчитывавшим формы окончаний, чередования звуков...). Её увлекала, если так можно сказать, сюжетная лингвистика, в которой *образ языка* был бы выразителен, наполнен стихией причудливых выражений, старинным «речесловием» – смыслом. Она любила разгадывать древние тексты, выявлять в них языковые парадоксы. Так постепенно область её профессиональных интересов сместилась в историческую лексикологию и терминологию, позволявшую учёному исследовать не отдельные фрагменты языка, его части и элементы, а целую *картину мира*. В 1970–1980-е гг. это направление редко публично называли *антропологической лингвистикой*, ведь оно имело западное влияние. Но в славянском мире была своя парадигма: ещё Ф. И. Буслаев в магистерской диссертации распознавал по древним корням этнопсихологию человека, пытаясь найти исконное значение слова, понять его «чувство» и «разум»: «ибо язык пока живёт в народе, никогда не утратит своей животворной силы»⁴. Вот и Л. П. Рупосова говорила о языке как о «находке утраченного», упражнялась в мифологии, вникала в тексты сказаний и повестей, старалась разобраться с «сознательным употреблением языка», увидеть за речью древнего человека, запечатлённой в каком-нибудь безвестном сочинении, «живописные страсти».

Непросто в кратком очерке даже перечислить диапазон её публикаций по данной проблематике. Она изучала ботаническую терминологию в «Травнике» троцкого воеводы Станислава Гажтовта, культурный орнамент «Травника» серпуховского воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина, лексику переводных русских лечебников и повестей XVI–XVII вв., «Каббалы» по спискам конца XVII – начала XVIII в., особенности «Сказания о смерти

¹ Рупосова Л. П. Руси́ны и руси́нский язык: история и современность [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2012. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/217> (дата обращения: 12.11.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М.: В университетской типографии, 1848. С. 8.

некоего мистра великого сиречь философа», исследовала текстологию перевода геральдической «Повести о княгине Алфдорфской» и «Римских деяний», язык списков «Повести о семи мудрецах», рыцарского романа второй половины XVII в., повестей об Аполлонии Тирском, Петре и Магилене.

Л. П. Рупосова вникала в «картины мира» русских певческих азбук XV–XVII вв., приоткрывала завесу таинственности царских музыкальных комиссий XVII в., рассказывала в статьях о русской образованной языковой личности второй половины XVII в., анализировала заимствования в специальном контексте конца XVII в. (на материале «Диалектики Аристотелевой»), характеризовала «Псалтырь» как учебную книгу, выступала к докладами о церковно-специальном образовании в России (на примере Московского Синодального училища), занималась силлогистикой в восточнославянских источниках XV–XVII вв., писала о феномене волхования в Московской Руси XIV–XVII вв., обсуждала на конференции проблему духовных ценностей в средневековой отечественной культуре XI–XVII вв., размышляла о последованиях и их частях в церковных книгах XVI–XVII вв., изучала специальную лексику отечественного стихосложения и даже средневековых гаданий и волхваний (!). Её вдохновляли проблема экзегезы как концепта культуры античности и средневековья и в целом фигуры речи в памятниках письменности XI–XVII вв. Она знала наименования песнопений и их частей в русском языке XV–XVII вв., топонимику Зарайского уезда, гидронимы Подмосковья, интересовалась категориями поэтического текста А. Т. Твардовского...

Мы пробежались пунктиром лишь по некоторым заголовкам её работ, каждая из которых представляла собой настоящее открытие, новый поворот в языковедческой мысли, движение вперёд.

В 1980–2000-е гг. её особенно увлекала проблема исторической терминологии. Эту науку она рассматривала в русле формирования традиций гуманитаристики, начиная с русского средневековья и

до конца XIX столетия. В данной области Л. П. Рупосова сделала немало живых наблюдений над сложными и неоднозначными процессами зарождения и развития философии языка, его системных связей. Она особенно пристально изучала XVII век, когда происходил культурный расцвет наук и искусств Московской Руси, а литература этого периода была чрезвычайно разнообразна в жанровом, эстетическом и языковом отношениях. Л. П. Рупосова исследовала рукописи астрономического содержания XVII в. как источник для изучения истории терминологической лексики, названия частей тела в донациональный период, русскую грамматическую терминологию XVII–XVIII вв., понятийный аппарат арифметики, геометрии и метафизики XVII в. и более раннего периода, анализировала изменение логических форм научных определений как показатель эволюции специальных подсистем русского языка, процесс метасемии в русском языке второй половины XVII века в именованиях объектов поверхности небесных тел, названия месяцев в древнерусских текстах, слова со значением «планета» в языковых формулах XI–XVII вв. Не раз касалась рассмотрения вопроса закономерностей развития музыкальной терминологии. Поднимала проблему изучения топонимов и селенимов в специальных текстах XVI–XVII вв., восходящих к текстам польских авторов. Она интересовалась также переводной «Селенографией» Гевелия как лингвистическим источником по истории русского языка.

Другой аспект отмеченной темы был связан с метакультурной доминантой образованного человека допетровской Руси. Здесь для Л. П. Рупосовой были актуальны проблема эволюции терминологии философии в русском языке XI–XVII вв., изучение поля «время», «душа», «небо», «земля», «человек», «учёба» в памятниках XI–XVII вв., реализация слова и вещи в старинных источниках, рассмотрение концептов движение и покой в средневековом мироздании. Она анализировала проблему

становления отечественной ментальности: красноречие – молчание – невегласие...

Итогом её работы в данном направлении стали учебные пособия «Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке» и «Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология» (второе написано в соавторстве с Э. Н. Болониной и Н. А. Кондрашовым)¹. Однако труды последних 25 лет в этой области так и остались в виде статей и выступлений на конференциях, но могли бы составить интереснейшую монографию по истории русской терминологии. Эту сферу Л. П. Рупосова знала великолепно, а главное, феноменально чувствовала дух древнерусского слова.

Лидии Петровне было сложно замыкаться на какой-то одной теме. Она могла вспыхнуть от случайно промелькнувшей мысли, прочитанной рукописи, от сюжета рассказа. Её филологическое сознание не дремало никогда и часто переворачивало обычный ход вещей. Ей было свойственно видеть и слышать слово, проникать в самые потаённые его интонации. Иногда по прочтении её работ создавалось впечатление, что она жила с теми людьми, о которых пишет, знала их обычаи, повторяла те же движения и объясняла какое-нибудь забытое филологическое ремесло как его знаток. Такова, например, статья Л. П. Рупосовой «Певческие школы Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей»². В ней по данным рукописей

автор восстановил особенности певческой традиции, показал характерные черты и отличия северного пения от столичного. Она писала: «Московские церковные деятели во времена сложных отношений с Соловецким монастырем в своих посланиях соловецким монахам укоряли последних за слишком громкое “неблагодарное” пение. Но, по нашим наблюдениям, число попевок их частей на Севере, в названиях которых содержится указание на силу звучания, относительно невелико: *стрѣла громная, стрѣла громогласная, великимъ гласомъ*. Вероятно, этот упрек касается общей манеры звучания и, может быть, создаётся за счёт преобладания басов»³.

А в данной работе неожиданный поворот учёного в сторону изучения артикулятивных и экфразисов детективного текста был связан с её интересом к остросюжетной линии, к динамике хронотопа произведения и «транскulturности» языка, к ярким речевым деталям, которые она *видела* своим особым филологическим зрением. Л. П. Рупосова обращала внимание на важные черты интертекстуальности «Золотого телёнка», объясняла и особенности политической «обложки» отдельных деталей. Вот, например, в этом фрагменте звучала полифония эпохи 1930-х гг.: «По пути в Черноморск экипаж “Антилопы” встречается с двумя *толстенькими заграничными цыплятами*, по оценке Бендера, *на распутье, в диком древнем поле, вдалеке от Москвы, от балета “Красный мак” и знаменитой картины художника Репина*

¹ См.: Рупосова Л. П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке: учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1987. 80 с.; Болонина Э. Н., Кондрашов Н. А., Рупосова Л. П. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Ч. 2 (Московский период): учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990. 95 с. (Л. П. Рупосовой принадлежит текст на с. 54–69).

² Рупосова Л. П. Певческие школы Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей // Уваровские чтения – III «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность»: материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря, Муром, 17–19 апреля 1996 г. Муром: Муромский историко-художествен-

ный музей, 2000. С. 155–157. (См.: URL: <https://museum-murom.ru/scientific-work/materialy-konferencij-muzeya/konferenciya-uvarovskie-chteniya/uvarovskie-chteniya-iii/l.-p.-ruposova-pevcheskie-shkoly-soloveckogo-i-kirillo-belozerskogo-monastyrej> (дата обращения: 15.11.2021)).

³ Рупосова Л. П. Певческие школы Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей // Уваровские чтения – III «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность»: материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря, Муром, 17–19 апреля 1996 г. Муром: Муромский историко-художественный музей, 2000. С. 156.

«Иван Грозный убивает своего сына» (гл. 7). В первом рукописном варианте романа артионимная формула (без инициалов живописца) включала приложение: «...убивает своего сына – двурушника»... В сталинскую эпоху жестокость царя находила политические оправдания и Ивана Ивановича (сына) обвиняли в непослушании и в выступлении против воли отца в связи с подписанием Плюсского мира со Швецией. Картина, скорее всего, упоминается в романе в связи с выходом в 1930 г. 7-го тома Малой Советской энциклопедии, где И. Е. Репин назван выдающимся русским живописцем, а его работы – образцами социалистического реализма, несмотря на проживание художника в финской Куоккале (усадьбе «Пенаты») и отказ переехать в СССР. Малая Советская энциклопедия упоминается во 2-й главе романа в связи со статьей о Рио-де-Жанейро, которую вырвал из книги для себя Остап Бендер»¹.

Особенности философской антропологии в аспекте изучения концепта «человек» Л. П. Рупосова исследовала в статье «*Homo sapiens* в источниках отечественного средневековья»². В ней представлен оригинальный взгляд учёного на формирование предтерминологии, в которой сочетались разные элементы: лингвистические, физиологические, богословские. Такие слова, как *сердце, мозг, душа, зрение* и т. п., в понимании наших предков, как показала Л. П. Рупосова на многочисленных примерах, были своеобразными метафорами, попыткой средневекового человека проникнуть в онтогенез, осознать себя как личность. Она писала: «Выделение среди пяти чувств человека в качестве основного зре-

ния способствовало открытию мозжечка и зрительных нервов, напрямую связанных с обучением и чтением, но эти связи раскрыты были только для зрения: *Еуангская кѣнигы въ руце възъмѣше и зрѣниемъ словесе... прикоснемъ ся* (Похв. о Лазаре. Усп. Сб., 368. XII–XIII вв.). Приведём определение памяти в риторике Макария: *память есть свершенное и крепкое в разум взятие или приятие вещных слов* (Рит., 24) – «слов, обозначающих вещь в философском смысле». В списках риторики утверждается, что *память словесная* формируется изучением и чтением божественных писаний, летописей *на рассуждение и укрепление разума глаголющего и слышащего*. Обратим внимание на связь говорения со слуховым восприятием. Память, хотя и является признаком ума, данного Богом, её развитие зависит от воли человека»³. Такой подход к изучению «человека говорящего» и «человека мыслящего» сквозь призму книжности и психофизиологии того времени оригинален и открывает новые моменты в области формирования понятийного аппарата языка древней эпохи.

Л. П. Рупосова пробовала себя и в другом жанре – лингвистической мемуаристике⁴. Замечателен её очерк об академике О. Н. Трубачёве: «У меня одно единственное хобби...»⁵. В нём портрет знаменитого учёного нарисован в двух измерениях – в академической и домашней обстановке: фотографии «двух белых лошадей, тяжело идущих по борозде, причём без пахаря» (ассоциация с подвигом лексикографа), интерес с детства к книгам, размышления «об исторической памяти народа, о роли

¹ Рупосова Л. П. Артионимы и экфрасисы как элементы языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2013. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/444> (дата обращения: 12.11.2021).

² Рупосова Л. П. *Homo sapiens* в источниках отечественного средневековья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 24–28.

³ Рупосова Л. П. *Homo sapiens* в источниках отечественного средневековья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 27.

⁴ См., например: Рупосова Л. П. Человек-открытие (детали к портрету В. Д. Бондалетова) // Страна Бондалетия: сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета. Пенза: ПГУ, ИП Соколов, 2019. С. 126–130.

⁵ Рупосова Л. П. «У меня одно единственное хобби...» // Академик Олег Николаевич Трубачёв: очерки, воспоминания, материалы / гл. ред. Е. П. Чельшев. М.: Наука, 2009. С. 365–370.

и месте учёного в современном мире», «артистизм не только в научных публикациях или выступлениях, но и в рассказах о встречах с людьми у нас и за рубежом», пристрастие «копаться в земле», любовь к домашним животным... Один такой эпизод из его биографии особенно трогателен, потому что был созвучен душе проницательной наблюдательницы – Лидии Петровны Рупосовой, видевшей сквозь бытовые картинки самую суть личности: «Наверное, многие и не подозревают, как им “распоряжалась” большеглазая пушистая красавица Кузинька, привезённая котёнком из Узкого под именем Кузи и долго считавшаяся котом. Ей позволялось всё: сидеть у хозяина на письменном столе, “работать” с ним вместе и даже рожать котят у него в гардеробе. Есть великолепная фотография: Олег Николаевич в саду и на коленях у него Кузинька. Они страшно довольны друг другом. А внизу, прижавшись к его ноге и отвернув тоскующую морду (“Глаза бы мои не смотрели на вас, когда вы вместе”), стоит белая собака. А ведь кошка понимает, что вызывает ревность: “Он – мой”. Но не надо думать, что собака была всегда на втором плане: вот на фотографии Олег Николаевич идёт по садовой дорожке в белой рубашке и при галстукке, а навстречу ему бежит собака, и они улыбаются друг другу, радуясь встрече. Считается, что собака – верный и надёжный друг человека, а кошка “гуляет сама по себе” и любит дом, территорию, а не хозяев. Но Кузинька, не зная (неужели почувствовала?), что она частично осиротела, провела часть зимы, весну и лето до глубокой осени в беседке, где на перильца Олег Николаевич, уезжая в больницу, откуда ему будет не суждено вернуться, бросил свою рабочую куртку, на ней сидела кошка всё это время, ощущая запах хозяина»¹.

В этих, казалось бы, ничем не приметных зарисовках видна ещё одна грань филологического таланта Л. П. Рупосовой –

её умение видеть и оценивать языковую личность в многомерном пространстве сюжетов и ассоциаций времени. И теория почтенного Ю. Н. Караулова здесь ни при чём. У Лидии Петровны была своя независимая линия мысли и в данном вопросе. Недаром одно из любимых её словечек, употреблявшихся на занятиях и в статьях последних лет, – *психохронотон* как постоянное поле художественного текста и его семиосферы, как своеобразная координата события, образа, определяющая их место в «спайке пространства и времени». Он есть в музыке, живописи, литературе, истории и философии. А для Л. П. Рупосовой – ещё и в личности *настоящего* филолога. Ведь образ человека всегда хронотопичен. Об этом она говорила, когда вспоминала О. Н. Трубачёва: «Наверное, крупный учёный, корифей, (такая пунктуация в источнике. – О. Н.) в любой отрасли знания появляется не случайно. Это процесс “штучный”, определяемый совокупностью субъективных и объективных факторов, “божьим даром” и востребованностью общества. Это определённый *психохронотон*, появившийся в нужное время в нужном месте, не утративший способности испытывать радость от изнурительного труда, обладающий высокой самооценкой и способностью удивляться. Вспомним горькую историю про открытие ДНК, когда исследовательница пропустила в своих многочисленных опытах двойную спираль, не увидела её на плёнке, чему способствовала повторяемость, “каждодневность” рабочего цикла, неверие, что что-то может произойти, “замыленность” взгляда»².

Научное наследие Л. П. Рупосовой (по предварительным подсчётам) – около 200 публикаций. Читать её произведения (именно так!) всегда интересно, нескучно. В них соединялись как будто две лотмановские стихии: «культура» и «взрыв». Здесь можно найти и свой «мыслящий тростник», и «перевёрнутые образы», и непредсказуемость, семантические пересечения, логику и антилогику, «текст в тексте». Её

¹ Рупосова Л. П. «У меня одно единственное хобби...» // Академик Олег Николаевич Трубачёв: очерки, воспоминания, материалы / гл. ред. Е. П. Чельшев. М.: Наука, 2009. С. 368–369.

² Там же. С. 365.

увлекали даже «дураки и сумасшедшие»¹ (в данном случае мы имеем в виду «креативные» культурные контексты в работах Л. П. Рупосовой, особое внимание к аномальному, антитезам, к «театру бытового поведения» в языке, к специфике средневекового сознания человека, к героической и безымянной личности в старинных текстах, к парадоксальной символике и образности). А какой «мир собственных имён»? Стоит поразиться тонкости и глубине её филологических наблюдений... Статьи и книги, полные неожиданных, цепких характеристик, нешаблонных фраз, редких цитат из архивных источников и примеров из разных языков, необычных сравнений и ассоциаций. Это были во многом удачные, но, к сожалению, незавершённые попытки закрепить имя настоящей науки в умах молодёжи, в сознании нескольких поколений её слушателей, утвердить высокие идеалы и ценности *той* Филологии, идущей от имён Ломоносова, Востокова, Буслаева, Потебни. Это её своеобразный призыв к тем, кто будет «словесничать» – плыть против течения, не бояться экспериментов, не поклоняться пеплу, а продолжать эстафету и обязательно расти вперёд, вверх, подобно «движителям» науки. Этому учат её филологические сочинения.

Поэтическое творчество

Поэтическое наследие Л. П. Рупосовой со временем может стать предметом отдельного исследования её неординарной языковой личности, наделённой способностью *сочинять* красивые, острые, ироничные, шуточные и всегда мудрые стихи. В среде филологов этим никого не удивить. Но она и здесь выделялась необычным темпераментом, взрывной силой слова, умела легко и с нужной интонацией обыгрывать факультетские события, возводя сатиру в жанр высокой поэзии. Юбилеи и праздники превращались в поэтический «водевиль» с песенками и куплетами, ка-

ламбурами, разряжали обстановку, делали уютным наш стоический быт, и до боли знакомые аудитории с наспех перекрашенными стенами уже казались отделениями небольшого театра. Там были свой партер, VIP-ложи, бельэтаж и даже смотровая площадка, где толпились молодые преподаватели, лаборанты и аспиранты, хлопотливо следившие за порядком. Выступление Лидии Петровны на любом торжестве было гвоздём программы. Неожиданное, с семантическими подтекстами, чуть колкое, смешное до колик в животе, иногда лирическое и тёплое стихотворное признание заставляло присутствовавших умолкнуть на время выступления и разгадывать её тайны слова. Этим она неизменно вызывала восторг слушателей.

При внешней незамысловатой форме (многие из стихов писались на бегу, без обработки) и рифмовке, «бытовизме» поэтических сюжетов они были наделены философией, содержали мировоззренческую позицию, порой предостерегали, опекали – проникали внутрь психологии ситуации, выворачивая наружу рядовые человеческие поступки, страсти, игры. Сами названия поэтических миниатюр показательны: «Баллада про шубу», «Про мужчин с филологическим образованием», «Еду как-то я с застолья...», «Пусть завидуют соседи...». Есть в моей коллекции и «философская лирика», и «страшилки» про любовь, стихи, посвящённые отдельным людям, на выпуск студентов и многое другое. Есть и грустные...

Среди однообразных серых буден
Приходит творчества высокий час.
Но главное, чтоб рядом оказались люди
Из тех, кто не обманет, не предаст...

Она, как заправский художник, на своём полотне вырисовывала стихотворные картины, каждая из них имела композицию с кульминацией и развязкой, героев, по-доброму, с хитрецей обыгрываемых автором. Иногда сгусток словесной энергии завершался нравственной отповедью. Главная же особенность творчества Лидии

¹ «Дурак и сумасшедший» – так называлась глава книги Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» (М.: Гнозис. 1992. С. 64–103).

Петровны заключалась в том, что она *читала* стихи *вслух*, публично, многие помнила наизусть и щедро дарила их своим почитателям. Достаточно было иметь под рукой небольшой клочок бумаги, и поэтическая муза уже брала в свои объятия этого талантливого от природы ребёнка, у которого в глазах вспыхивали искорки счастья, эмоции превращались в эпитеты, а реальные имена становились литературными персонажами и образами её внутреннего мира.

Приведём несколько стихотворений Л. П. Рупосовой.

На выпуск

Когда последний (поле звука)
Звонок над вами прозвучит,
Когда абстрактное «разлука»
Приобретёт конкретный вид –
Не бойтесь: ведь не на Камчатку,
Не в зарубежный Татарстан,
Не к азиатам в разнарядку
Распределяет вас декан.
Был славный курс!
Привержен хору, китайцев грамоте учил,
А что китайцы дали дёру, –
Руки к тому не приложил.
Был здесь и свой научный гений,
У Ольги избранных был круг,
А к нам заглаживал Евгений.
Он европейцам лучший друг.
Мы вас учили понемногу,
Как принято у нас, славян,
И чтоб декан не бил тревогу,
Я временной меняю план:
Трудитесь и бегите лени,
И времени не тратьте зря,
А в поле добрых отношений
Берите с нас пример, с ИРЛЯ¹.

***

Пусть завидуют соседи,
Не подвёл их нюх и слух:
И в застолье, и в беседе
Мы храним народный дух.

Пусть завидуют соседи,
А кто злобствует, то зря!
По уму, таланту, снеди
Лучше всех у нас ИРЛЯ.

Кто умён, тот вместе с нами.
Кто не очень – супротив:
Не нуждается в рекламе
Наш здоровый коллектив.

***

Мирно живёт наш родной факультет
От основания до нынешних лет,
Но тут случился заметный прокол:
Классик у классика даму увёл.

Впрочем, уверен зловерный народ,
Всё в той истории – наоборот!
Дама у дамы почувствовав власть,
Юного классика хочет украсть [...]

Фото 13 / Photo 13. Автограф Л. П. Рупосовой / L. Ruposova's autograph

¹ Имеется в виду кафедра истории русского языка и общего языкознания, в 1991 г. ставшая самостоятельным структурным подразделением.

**«Падает снег, падает снег – // Тысячи
белых ежат...»: отклики о Лидии
Петровне (вместо заключения)**

Душевно-биографический очерк невозможно завершить обычными словами и выводами, как бы фиксирующими имя только в одном нетленном ракурсе. Она была для многих источником вдохновения и любви к слову, образцом остроты, яркости и глубины филологических прозрений. Лидия Петровна живёт и сейчас вместе с нами и возвращает из далёкого мира светлое и прекрасное, почти сказочное, наполняющее сердце благодатной памятью о «великом русском поэте», парадоксальном учёном с «десятью подсмислами», понимавшем говорящих кошек... Это очарование её личности останется с ней навсегда.

...Помню, как она заходила в аудиторию и показывала пальцем: – Так, ты была на прошлой лекции. Дай-ка свой конспект. На чём я остановилась? И продолжала свою потрясающую лекцию. Словно и не было недельного перерыва. Странное двойственное чувство: хотелось бросить ручку, перестать записывать и просто слушать, слушать и слушать... Но невозможно упустить хоть толику, поэтому надо писать, фиксировать всё обязательно! А потом словно очнёшься: как, уже всё? Пара кончилась? Прекрасная, невероятная Лидия Петровна...

*М. Смирнова,
выпускница Московского
педагогического университета 1990-х гг.*

Такая яркая, живая, ироничная, харизматичная и мудрейшая она была... И как же мне повезло, что успела ещё у неё поучиться...

*Ю. Н. Сытина,
Московский государственный
областной университет*

Я хорошо её помню... её остроумие, необычайную (даже по сравнению с другими преподавателями-корифеями) эрудицию, умение завоевывать сердца студентов...

*С. А. Джанумов,
Московский городской
педагогический университет*

Лидия Петровна была моим научным руководителем при написании дипломной работы... Незабываемый педагог, наставник и друг! Доводилось быть у неё дома, держать в руках раритетные издания, пользоваться ими, и даже позволялось осуществлять процесс поглаживания её кошек и котов... На тот момент их было около 12 или 13 – я не помню точно... После успешной защиты диплома привёз ей домой два замороженных брикета рыбы для кошек... Килограмм по 15 каждый... Сетовала, что хранить негде – придётся сразу всё скормить этим обжорам...

*Д. Ю. Комаров,
выпускник Московского
педагогического университета 1995 г.*

Искренне жалею, что судьба как-то старательно отводила меня от очного или заочного знакомства с таким незаурядным человеком. Не поверите, но я никогда не видел, не слышал Лидию Петровну... Ученица Николая Андреевича – это неоспоримый знак качества!

*А. Т. Хроленко,
Курский государственный университет*

Я помню её прежде всего как большого и настоящего учёного, истинного филолога. А вот про то, что она писала полные юмора стихи, узнала только после аспирантуры. Вспоминаю обсуждение главы её докторской диссертации, которое проходило как раз в мои аспирантские годы. Помню, как Николай Андреевич, стоя у доски с объявлением по этому поводу, ворчал по обыкновению: он главу эту читал и был недоволен тем, как автор сноски оформил... Запомнились слова: «Пишет так же, как одевается!» Я помню тогда, что сильно удивилась: я вообще не могла припомнить стиль одежды Л. П. – мне интереснее она была как учёный и как языковая личность. На заседании кафедры он ей опять по поводу этих сносок всё высказал: «Скобки поставлены, автор не назван. Даже аспиранты так не делают! Ну тут вот в цитате последнее слово *parole*, можно догадаться, что это Соссюр, но про остальных как понять?» В ответ на всё на это Лидия Петровна сказала: «Вот Николай Андреевич ругал меня, а мне моя работа нравится! И вообще меня Академия наук печатает». Что и говорить, ничего и никого она не боялась, а честной была просто беспредельно! Кстати, ещё одну ситуацию в связи с ней вспоминаю... Помню, как на вопрос о том, почему она тянет время с очередной главой работы, Лидия Петровна сказала, что пишущая машинка с греческим шрифтом сейчас в Академии наук занята, и приходится ждать. Уже после аспирантуры мы

иногда с ней встречались на конференциях, и она всегда интересовалась и моей научной работой, и настроением вообще. Светлая ей память!

*Н. Н. Щербакова,
Омский государственный
педагогический университет*

...Мы с ней несколько раз встречались на конференциях в Смоленске, Твери, Москве... Да, она была очень ярким человеком, запоминающимся, ни под кого не подстраивающимся... Помню, на конференции в Смоленске она была руководителем секции. Объявила регламент: «15 минут на рыло (цит.), и пойдём кататься на катамаранах». Секцию довольно быстро свернули. Мы пошли с коллегой гулять по Смоленску – видели, как активно крутит педали катамарана Лидия Петровна (вместе со своей аспиранткой) ... Доклады Лидия Петровна всегда читала только по памяти, без каких-либо записей/заметок, но «как по писанному» – это поражало. Она была очень искренним и светлым человеком, очень настоящим, без грамма фальши... Светлая память...

*М. В. Пименова,
Владимирский государственный университет*

Она – особенная, она – явление! Таких больше нет и вряд ли появятся....

*Л. Ю. Астахина,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН*

Мне повезло знать Лидию Петровну в её 35–40 лет. Могу признаться, что не только была влюблена в неё, но и пользовалась её радостной благосклонностью, я бы сказала. Она была прекрасным педагогом и очень остроумным, догадливым и моментально реагирующим на всё человеком. К сожалению, она преподавала у нас только на начальных курсах. ... Лидия Петровна – уникал, как М. В. Панов, как Н. А. Кондрашов, как В. Н. Шорохова и М. Ф. Тузова. Повезло не всем тем, кто у неё учился, а тем, кто понял, каким интеллектуальным праздником были занятия с ней, любые встречи с ней.

*Н. Н. Карлина,
выпускница Московского областного педагогического
института имени Н. К. Крупской 1979 г.*

Я знала очень немного Лидию Петровну, она с доброжелательным интересом относилась к аспирантам Н. А. Кондрашова. Помню разговор с ней на кафедре о разнице характеров кошек и котов. Лидия Петровна считала, что кошки интеллектуальнее котов, и с юмором рассказывала, как молодая кошка учила уже немолодого дурака-кота

открывать дверь лапой. Кондрашов морщился и иронически хмыкал, а мне было интересно... Голос Лидии Петровны остался молодым и звонко-чистым, как и прежде. Вечная ей память.

*Н. А. Жигулина,
Вятский государственный университет*

Лидия Петровна... была автором отзыва ведущей организации на мою докторскую диссертацию. Отзыв был высококвалифицированным и очень благожелательным, за что я ей признателен. Очень жаль, что уходят такие преподаватели и личности.

*К. В. Лифанов,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Лидию Петровну я помню – и всегда улыбающуюся, и именно по первой фотографии, и именно в 70-е годы. На других фото она другая – возраст... Но мне она запомнилась той, из 70-х. У нас она не преподавала, она досталась другому поколению – младшему. У нас были Хабургаев, Кондрашов, Дружинина, Доконова.

*А. А. Агафонов,
выпускник Московского областного педагогического
института имени Н. К. Крупской 1970-х гг.*

Фото 14 / Photo 14. Л. П. Рупосова в 1990-е гг. /
L. Ruposova in 1990s

Лидию Петровну Рупосову я очень хорошо знала, общалась с нею до последних конференций, на которых она выступала. По-моему, это был 2015 или 2016 год, когда она сделала великолепный доклад в нашей секции. Мы сидели камерно с участниками и просто беседовали на те темы, интерес к которым вызвали доклады. В мои аспирантские годы (с 1986 по 1989 гг.) она всегда была на заседаниях кафедры и вставала на защиту аспирантов, если считала что-то несправедливым; про меня и мне она говорила

часто: «Хорошая ты (она)!» Я иногда около корпуса подхватывала её сумки и авоськи, когда мы вместе шли на филфак от метро, что её трогало и удивляло. Очень жаль, что уходят настоящие учёные, великодушные преподаватели, дорогие коллеги. Царствие ей небесное!

Е. И. Беглова,
Нижегородская академия МВД РФ

Светлая ей память. Я, конечно же, хорошо её помню. Она была очень интересным человеком...

В. П. Журавлёв,
Московский педагогический
государственный университет

Она была вернейшим сподвижником Кондрашова. Она очень помогла мне организационно и душевно в период предзащиты. Дело в том, что работу я не успела полностью перепечатать, одна треть была в рукописи. Она, не дрогнув, всё прочитала, дала очень доброжелательный отзыв. Я её помню с великой благодарностью.

Д. И. Архарова, г. Екатеринбург

Постоянно обращаюсь к своим тетрадям с лекциями Лидии Петровны. Она была прекрасным и добрым человеком, замечательным преподавателем. Первая тетрадошка – это лекции, записанные с её слов по «Истории русского литературного языка». Записывала их, правда, «бегом», так как успеть за Лидией Петровной было очень сложно. Тем не менее, эти записи мне очень дороги. Часто их перелистываю, слышу её голос... А вторая тетрадь – лекции-инструкции, я бы так их назвала, с лингвистическому анализу текста. Этот анализ дался мне далеко не с первого раза. Приезжала пораньше в институт, до начала занятий, заглядывала к ней на кафедру. Вместе сидели и разбирались. Лидия Петровна научила меня правильно пользоваться «Этимологическим словарём» М. Фасмера. И раскрашивать текст научила. Часто приношу свою зачётную работу (для «раскрашивания» выбрала стихотворение С. Есенина «Без шапки, с лыковой котомкой...») своим ученикам в гимназию. Показываю им. С интересом смотрят на мой рисунок, задают вопросы. Для меня – это настоящая память о Лидии Петровне.

Н. В. Ильина,
выпускница Московского государственного
областного университета 2016 г.

...Учиться у Лидии Петровны мне не пришлось, да и близко общаться, увы, тоже, но она всегда производила на меня впечатление человека очень неординарного, смелого и независимого во всём – в своём поведении, в своих суждениях. А больше

всего мне помнятся её стихотворные выступления на различных факультетских мероприятиях. Они были по-настоящему талантливы, остроумны, в них присутствовало особое изящество и вкус. Как бесценны сейчас все эти свидетельства времени (целой эпохи!) и жизни яркой личности!

Т. Ю. Максимова,
Московский государственный
областной университет

В «Зарайской энциклопедии» Владимира Полянцева¹ есть несколько строк, посвящённых ей: «Рупосова Лидия Петровна (р. 1941) – кандидат филологических наук. Родилась в Зарайске, в рабочей семье. В 1965 г. окончила славянское отделение филологического факультета МГУ; через пять лет защитила кандидатскую диссертацию «Русско-словацкие языковые связи»; доцент кафедры русского языка Московского педагогического университета. Имеет более 40 научных публикаций, среди них учебные пособия для студентов». Думаю, что в Зарайске есть люди, которые её помнят.

Галина, г. Зарайск

С днём рождения, Лидия Петровна! Живые, они все живые – в нашей памяти, сердце...

М. Могилева,
выпускница Московского
педагогического университета 1997 г.

...Полотно памяти... Даже те, кто не знал Лидию Петровну так душевно, как Вы, сегодня вкусили её обаяния...²

В. М. Мокиенко,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Уходит эпоха. Светлая память незаурядному её представителю, прекрасному человеку!

Т. П. Лёнгрен,
Университет Тромсё, Норвегия

...Действительно, удивительный человек, прекрасный педагог. Печально, что такие люди уходят. Но главное – остаётся память о них, добрая, светлая память.

Т. М. Воишелева,
Московский государственный
областной университет

¹ Зарайская энциклопедия / ред. В. И. Поляnceв. М.: Academia, 2003. С. 396–397.

² См.: «Грамматика глаголеть, мусикия поеть...». К 80-летию Лидии Петровны Рупосовой // ВКонтакте: [сайт]. URL: https://vk.com/studsovetfilologi?w=wall-40517944_27608 (дата обращения: 14.11.2021).

Есть люди, которые пишут стихи-информацию, стихи-воспоминания, стихи-призывы, чистую лирику и т. д. А у Лидии Петровны (я только сейчас поняла!) стихи-предостережения. Это ведь не совсем сатира. Сатира – это насмешка-образ над тем, что и так всем хорошо известно. А здесь – одна острая грань, один точно сфокусированный луч, в нескольких словах – суть человека. И Боже, насколько это точно!.. В последние годы Лидия Петровна, заходя на нашу кафедру, вела себя, скорее, робко или, лучше сказать, смиренно. Никаких насмешек ни в голосе, ни в смысле сказанного. Она любила наше внимание, которого никто не хотел ей дарить, увы... Она отчаянно сопротивлялась одиночеству, даже разговаривала громко сама с собой у себя на кафедре – это было такой особенностью утренних часов. Я приходила рано. Она тоже. И, гремя ключами, Лидия Петровна громко начала говорить, открывала дверь и, не закрывая её, продолжала организовывать своё пространство. Так я и проверяла тетрадки под её бормотание и возгласы. Я точно знала, что в 8.50 – 8.55 она придёт к нам с каким-нибудь пустяковым вопросом (словарь, чаю, сахару, лист бумаги, телефон кого-нибудь) и будет страстный монолог либо о непутёвых её девах, которым «срочно надо по диссертации», либо о начальстве (всех мастей). Нам бы с ней ещё год-полгода,

мы бы научились понимать друг друга. Я её по-своему любила за эти утра.

*Н. В. Халикова,
Московский государственный
областной университет*

Кто оказался на филфаке,
Тот не ошибся, ей-же-ей!
Что плох филфак – сплошные враки!
Спросите знающих людей!

Лидия Петровна, наш «великий русский поэт», спасибо за знания, юмор, иронию, талант и за Вашу любовь...

*О. В. Шаталова,
Московский государственный
областной университет*

...Годы идут, я не видела Лидию Петровну со времён Кондрашова, и она в моей памяти превращается в волшебную, почти сказочную старушку: Юза, домик в цветах, весна, лето, ранняя осень, чудесные снегопады... Говорящие кошки, книги, чай, добрая улыбка, слова с десятью подмыслами, щедро подаренные идеи. Светлая ей память!

*Л. Н. Донина,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

ИНФОМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of History of Russian and General Linguistics of Moscow Region State University; Professor at the Department of Russian of Petrozavodsk State University; honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. Лидия Петровна Рупосова: научный и душевно-биографический очерк (к 80-летию со дня рождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 125–144.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-125-144

FOR CITATION

Nikitin O. V. Lidiya Petrovna Ruposova: Scientific and Heartful Biographical Essay (On the 80th Birthday). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 125–144.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-125-144